

ОТ ДОЧЕРИ АВТОРА КУЛЬТОВОГО
«СПИСКА ШИНДЛЕРА»

Конец XVIII века.

Сколько горя способны выдержать хрупкие женские плечи? Дженни знала лишения, разбойничью стезю, ее чуть было не повесили, но заменили смертную казнь каторгой в колонизированной англичанами Австралии. Там, вдали от дома, она обзавелась семьей и родила детей. Да, это место не похоже на тюрьму, хотя и свободы тут тоже не было. Бесплодные земли, жестокость губернатора и тяжелый труд... А ведь каждый имеет право на счастье. И Дженни решается на побег. Ее вместе с несколькими другими каторжанами ждет далекий путь, любой неверный шаг может стоить жизни. Однако ради счастья семьи Дженни готова на все. Сможет ли она получить шанс на будущее, за которое стоит бороться?..

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6869-2

9 786171 268692

Мэг Кенилли

Тобек

Мэг Кенилли

Тобек

РАЗБОЙНИЦА. НЕВОЛЬНИЦА. БЕГЛЯНКА

Meg Keneally

Fled

A Novel

Мэг Кенилли

Победа

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821(94)
К35

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Впервые опубликовано на английском языке под названием
«FLED» издательством Zaffre, an imprint of Bonnier Books UK
Публикуется с разрешения
The Van Lear Agency и Bonnier Books UK

The moral rights of the author have been asserted

Переведено по изданию:
Keneally M. Fled : A Novel / Meg Keneally. —
Richmond (Australia) : Echo, 2018. — 400 p.

Перевод с английского *Олега Буйвола*

Дизайнер обложки *Алексей Безруков*

ISBN 978-617-12-6869-2
ISBN 978-1-76068-027-5 (англ.)

© Meg Keneally, 2019
© Stephen Dew, карта
© Hemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформ-
ление, 2019

Посвящается Томми

*Где-то в Тасмановом море, неподалеку от побережья
Нового Южного Уэльса. Апрель 1791 года*

Здесь она всегда спала очень чутко. Стоило ей задремать, как волна выносила ее из забытья, вздымая ввысь к небу, а затем с силой вжимая в доски утлой лодки.

Еще не раскрыв глаза, она крепче прижала к себе детей. Теперь она жила в постоянном страхе, что одна из связывавших их веревок не выдержит, лопнет и, проснувшись, она увидит, что ее детей нигде нет, их давно поглотила темная морская пучина и теперь они медленно погружаются на дно.

Однако оба ее ребенка оказались на месте. Если Эммануил и плакал, она все равно ничего не слышала из-за воя ветра. Шарлотту она тоже не слышала, но видела, что рот маленькой девочки раскрыт в немом вопле ужаса. Дочь, скорее всего, рыдала, однако из-за брызг слезы на ее щеках были незаметны.

В меркнушем свете она могла различить, как ее муж сжимает румпель¹. Он сидел прямо в воде, уровень которой был всего на несколько дюймов ниже планшира². Скрипя зубами, муж старался держать лодку носом к волнам. Должно быть, он боялся, что заходящее солнце его в конце концов предаст и утлое суденышко повернется к ним бортом.

Дженни снился ее тихий Пенмор, утопающий в приглушенном мертвенном свете, низкий тесный домик ее семьи. Дверь была выбита и теперь криво висела на одной из петель. Похоже, кто-то здесь вволю позабавился.

Она крикнула, вернее, попыталась крикнуть, однако с ее уст сорвался лишь шепот. Женщина вобрала в легкие воздух и снова попыталась... Тщетно. Как бы она ни силилась, сколько бы

¹ Рычаг на верхней части оси руля; служит для переключивания (поворота) руля на малых судах. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² Горизонтальный брус в верхней части фальшборта или борта шлюпок и беспалубных небольших судов.

воздуха ни набирала в грудь, голос ее оставался таким же тихим. Как бы там ни было, ответа не последовало.

Но кто-то там все же находился. Ее отец, бледный и опухший, лежал перед очагом, там, куда его положили после кораблекрушения. Мать сидела на своем стуле. Она что, даже с места не сдвинулась? Неужели мама провела все эти годы, сидя на этом стуле, пока ее дочь бороздила безбрежные моря и океаны, направляясь к загадочной стране?

Мать начала говорить, однако щеки ее треснули от уголков рта до глаз. Сильнейший порыв ветра, вырвавшийся из рта матери вместо человеческой речи, сбил Дженни с ног. Она покатила вниз по склону холма и очутилась в море сновидений, откуда выплыла на поверхность сознания в хаосе волн.

Должно быть, шторм обрушился на них внезапно. Когда она засыпала, на море была лишь зыбь, а теперь ветер превратил воду в сплошной кошмар. Суша вздымалась и опускалась далеко на горизонте, вот только ходу туда на лодке не было.

Если они тотчас же не примутся вычерпывать воду, долго им так не продержаться. Карни возился с парусом, старался его опустить, пока ветер не порвал парусину в клочья. От Харригана было мало толку. Когда волна ударила его о борт лодки, он очнулся, и ему еще хватило сил приподняться и сесть, и выглядел он как герцогиня, принимающая ванну. Вот только взгляд его ничуть при этом не изменился, словно Харриган сейчас видел другой мир, куда более страшный, чем тот, в котором жили остальные.

Братон, ссутулившись, сидел на своей банке¹. Часто моргая, он смотрел на Дженни и ее детей. Без сомнения, он думал о том, что эти бесполезные пассажиры — только обуза и ничем не помогут им выжить. Она плотно сжала губы. Господи! Почему ей вечно приходится в чем-то убеждать этих мужчин? Почему они сами не поймут, что нужно делать, и не сделают

¹ Сиденье для гребцов в виде поперечной доски в лодке.

это? Дженни пнула ногой ведро, в которое справляли нужду и края которого поднимались над поверхностью заполнившей лодку морской воды.

— Вычерпывай! Ради бога! Мы скоро пойдем на дно, если не будем вычерпывать воду!

Но Братон лишь сидел и смотрел на нее. Он был не из тех, кто станет слушаться приказаний женщины, привязавшей себя к банке.

Лодка медленно поднялась на гребне очередной волны, а затем соскользнула с него и, когда вода из-под днища исчезла, обрушилась вниз. От сокрушительного толчка часть воды выплеснулась за борт, но потом лодка снова зачерпнула ее. Когда Дженни протерла глаза, то увидела, как Братон, который был упрямым, но не дураком, словно одержимый вычерпывает ведром морскую воду со дна.

Где-то за этими волнами находилась земля, где им уже не грозила смерть от голода или в морской пучине. Там ей не придется обнимать своих детей и молиться, чтобы море их не забрало. Но пока что земля была далеко. Порой, когда море шалило не на шутку, Дженни начинала сомневаться, что им вообще удастся туда доплыть.

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Южный Корнуолл

Они сказали, что море убило его. Дженни не винила в этом море. Во всем виноват король, который обложил податями соль, окна и парики, чтобы оплатить войну в тех местах, где люди решили, что с них довольно налогов¹.

Когда серебристые стайки сардин перестали приплывать, хотя прежде исправно появлялись каждое лето и кружились вокруг лодок, ее отец отправился ночью в море. А ночное море всегда было намного более голодным, чем дневное. Оно пожирало односельчан, иногда выплевывая их обратно на берег, иногда навеки забирая их из мира солнечного света.

Тем утром матушка была вне себя от тревоги. Долли, которая работала прислугой в большом доме на холме, обычно умела ее успокоить, в отличие от Дженни, которая, похоже, только и делала, что заставляла мать еще больше волноваться. Констанция, смочив пальцы слюной, стерла воображаемое пятнышко сажи с лица Дженни, хотя на нем оставалось немало настоящих пятнышек, которые следовало бы стереть. Поправляя на плечах шаль, матушка принялась подметать пол, однако подметать, в сущности, было нечего. Она подошла к окну. На подоконнике стоял огарок сальной свечи.

Вилли Трелони никогда не пропадал на целую ночь. Констанция и Дженни вслушивались в завывание ветра, а тот сотрясал оконные ставни и дверь, стараясь проникнуть в дом. Нужно быть потомственным моряком, чтобы ухитриться выжить в море такой безлунной ночью.

Вилли всю жизнь провел в море. Худое, покрытое морщинами лицо заставляло его выглядеть старше своих сорока лет.

¹ Имеется в виду война за независимость американских колоний, длившаяся с 1775 по 1783 год.

Его отец брал маленького Вилли в море, когда ребенок еще толком не научился ходить. Однажды отец сказал Дженни, что он начал самостоятельно рыбачить в открытом море, когда ему еще не исполнилось и десяти лет от роду.

Скорее всего, Констанция сейчас размышляла о большом опыте и мастерстве мужа, выискивая в них слабые стороны. По крайней мере, Дженни этим как раз и занималась. Она помнила, что рыбаки иногда засыпали в своих маленьких лодках, слишком уставшие либо пьяные, чтобы идти домой. Не исключено, что сейчас продрогший отец клянет утренний холод на чем свет стоит, опасаясь взбучки, которую получит, как только доберется домой.

И когда Вилли наконец внесли в дом, сразу же стало ясно, что его тело некоторое время пробыло в морской воде. Кожа его лица побелела, а вокруг рта расцвели багровые пятна. Кажалось, он пытался накрасить губы соком, выдавленным из цветочных лепестков, как это иногда делали девочки.

Лоб его пересекала рваная рана. То ли его убили, то ли Вилли, случайно оступившись, стал жертвой несчастного случая. В море всякое бывает. В небольших бухточках Корнуолла контрабандистов поджидали разные опасности. Гарольд Типпет и его сын Стефан, которые тоже ночью ходили в море, положили тело Вилли перед очагом. Гарольд аккуратно придержал голову мертвеца, чтобы та не стукнулась о доски пола. Дженни сомневалась, есть ли в этом теперь хоть какой-то смысл, однако была весьма признательна Гарольду за это.

После того как Гарольд и его сын ушли, ее матушка все сидела и смотрела на тело мужа и языки пламени в очаге.

— Ма... — несколько раз обращалась к ней дочь, — его нельзя здесь оставлять.

— Это его дом, — произнесла Констанция и больше ничего ей не сказала.

Встав на колени, Дженни поцеловала отца в лоб, хотя в глубине души понимала всю бессмысленность своего поступка.

В остекленевших глазах родителя ничего не отражалось. Девушка ощутила, как на нее нахлынула безудержная злость, которая какое-то время заглушалась потрясением. Мысленно Дженни сказала себе, что этот утопленник, лишивший ее мамушку дара речи, больше не является ее отцом.

Горе обрушилось на нее, когда ее взгляд опустился на опухшие в морской воде руки, сложенные на груди. Эти руки на пару с ней вытягивали сети и показывали ей, как завязывать узлами веревки. Впрочем, думать об этом сейчас времени не оставалось. Все ее чувства подчинил себе гнев. Ей хотелось бить кулаками этот труп и спрашивать у него, какого дьявола он ушел в море и не вернулся. Ей хотелось наброситься на лодку с топором, а потом сжечь ее. Дженни хотелось сполна отплатить тому, кто наживался на нужде ее отца, погнавшей Вилли Трелони ночью в море.

* * *

Маленький мальчик когда-то жил в доме Трелони, который стоял на холме, возвышающемся над Пенморской бухтой. Домик был небольшим, невзрачным, с крошечными оконцами, и ничем не отличался от соседских домов. Над ними довлел бескрайний океан, и храбрые маленькие лодки, преодолевая волны, плыли вверх по широкому устью реки, направляясь к нему.

Мальчик в доме Трелони, которого звали Натаниэлем, жил в комнате со своими родителями, а за стенкой, в соседней комнате Дженни и Долли болтали, сплетничали, иногда ссорились в темноте.

Натаниэль умер на третьем месяце своей жизни. Суровая зима высосала все жизненные силы из маленького тельца, оставив в колыбельке лишь бесчувственный хладный труп.

Возможно, в его смерти была и ее вина. Дженни об этом задумывалась. Она выполняла ту работу, которую должен был делать мальчик. Натаниэль был еще совсем маленьким. Прошло

бы немало лет, прежде чем он стал бы полезным семье. Быть может, брат умер потому, что счел себя обузой.

В ноябре Дженни и ее отец часто уходили в море, скрываясь от таможенных чиновников. Те напоминали гигантских жаб, которые широко раскрывали рты, готовые проглотить все, что появлялось в их поле зрения.

После тяжелого дня в море Дженни вывалила содержимое плетеной корзины для рыбы перед матерью, чтобы та хорошенько его рассмотрела.

— Рыба какая-то мелкая. Раньше крупней была, — сказала Констанция, вертя в руках каждую сардину, принюхиваясь к рыбе, проводя пальцами по чешуе.

— Ты тарачишься на них так, словно подозреваешь, будто среди рыбин прячется переодетый налоговый, — пробурчал Вилли, подойдя с охапкой дров.

— Не исключено, — буркнула Констанция. — Как тебе вот эта?

Она запустила рыбку в мужа. Та, пролетев над сколоченным из досок столом, на который был вывален улов, угодила ему в грудь. Он ловко поймал ее на лету, прежде чем сардина шлепнулась на пол, и бросил обратно на кучу рыбы.

— Думаю, чуть позже улов будет получше, — произнес он.

— Скажи рыбе: это она повинна в том, что наши дочери ходят в старых платьях.

— Все ходят в старом, — сказала Долли, ведя Дженни к табурету, стоящему у горящего очага. — Я сама люблю во всем винить нашего папу. — Дочь подмигнула отцу, и тот подмигнул ей в ответ. — Матушка! Нам с Дженни не нужны новые платья.

Долли начала весьма осторожно распутывать колтун, в который из-за сильного ветра свалялись волосы Дженни. Долли была весьма миловидной девушкой. Ее волосы медового цвета всегда лежали ровно, словно она не позволяла ветру их трепать. И ее локоны самым выгодным образом обрамляли симпатичное личико.

Дженни, как и Долли, унаследовала от родителей чуть заостренный подбородок, слегка вздернутый носик и серые глаза, а вот темно-рыжие волосы при малейшей возможности спешили превратиться в нечто похожее на пучок морских водорослей. Свальявшиеся, покрытые легкой коркой морской соли, они не поддавались даже терпеливым пальцам сестры. Дженни была только рада тому, что приходилось сидеть на табурете перед очагом и отдыхать, пусть даже морская соль впитывалась в одежду и волосы.

— Платье Дженни долго не протянет, — возразила Констанция.

Мать подошла к очагу и приподняла колтун ее спутанных на затылке длинных волос.

— И долго же ты старалась запутать их так? — целуя дочь в лоб, спросила Констанция.

— Это все ветер, — ответила Дженни.

— Г-м-м... Вилли! Ты точно не можешь без нее обходиться? Муж кивнул.

— Половина тех мужчин, кто мог бы пойти со мной в море, сейчас завербованы на флот, а остальные в шахтах. Наша дочь хорошо справляется.

Дженни знала, что так оно и есть. С детства она ходила в порванных юбках и с мокрыми ногами, будучи морским созданием. Ее воспитало море, в такой же степени, в какой ее сестру кухня.

Ее отец каждый вечер садился перед пылающим очагом и стаскивал с ног просоленные сапоги. Его жена морщила нос и бурчала, что его ноги воняют хуже, чем Натаниэль, когда обделается.

Однажды поздно вечером Констанция направилась в заднюю комнату дома, но не вернулась с младенцем на руках, чтобы, усевшись перед очагом, покормить его грудью. Плач матери сначала даже не был громким. Дженни сперва показалось, что это воеет ветер, но потом раздался пронзительный вопль. Мать поднесла небольшой сверточек к очагу.

Впоследствии Дженни беспокоило то, что она не могла вспомнить лицо Натаниэля. А мысль, что ее родители, возможно, тоже его не помнят, тревожила ее еще больше. Судьба обошлась с ним жестоко. Натаниэль должен был жить и улыбаться. Его улыбки и плач не должны были оставаться безответными. Но он умер и превратился в безликого призрака благодаря плохой памяти тех, кому следовало его любить.

Однако Дженни никогда не забывала о его смерти. Умерев, брат занял куда больше места в ее жизни, чем прежде, когда был жив. Матушка подошла к окну и стояла возле него час, другой... Она смотрела куда-то вдаль. Казалось, у нее не осталось сил воспринимать что-либо вокруг себя, по крайней мере, все мольбы дочерей остались без ответа.

До смерти Натаниэля Дженни часто выходила в море вместе с отцом. Вилли, сидя на носу, приказывал ей наблюдать за небом и облаками, не появились ли «драконы» — тучи, предвещающие шторм. Если она предупредит его вовремя, они успеют вернуться на сушу.

Некоторое время после смерти сына отец плавал в одиночку по устью реки мимо двух приземистых башен, стоящих по обе стороны на берегах, а потом выходил в море. Он делал это ежедневно, даже после доброго улова, когда и нужды особой не было. Уже не имело значения, сможет ли он найти помощника, чтобы сподручней было управляться с канатами и сетями, или ему придется обходиться самому.

Единственный сын умер, а надежды на рождение другого не оставалось. Многих юношей из этой рыбацкой деревни послали на чужбину сражаться на войне, смысла которой они не понимали. Со временем Вилли Трелони смирился и снова стал брать дочь с собой в море. На этот раз, однако, ее обязанности не ограничивались наблюдением за «драконами». Отец учил ее, как чинить сеть во время морской качки, как зарифлять парус при сильном ветре, как закидывать сети и вытаскивать их так, чтобы большая часть рыбы оказывалась в лодке, а не плюхалась обрат-

но в море. Дженни не испытывала ни малейшего страха при виде вздымающегося перед носом лодки водного холма, не визжала, когда в борт их суденышка била волна, грозя его перевернуть.

Когда поднимался ветер, девушка с удовольствием стояла либо сидела на корточках на носу. Отец часто кричал на нее, приказывая, чтобы села либо пригнулась, однако Дженни прекрасно чувствовала море и стояла на палубе так же уверенно, как и на твердой земле. Она знала все его повадки.

* * *

Когда односельчане пришли, чтобы забрать тело отца и предать его земле, матушка, казалось, вообще этого не заметила. Она сидела, вперив взгляд в то место, где он прежде лежал. Констанция даже не попыталась поудобнее завернуться в шаль, которую накинула ей на плечи Долли. Сестра попросила, чтобы ее отпустили из посудомоечной господского дома и она смогла присутствовать на похоронах.

Констанция все так же сидела после наступления ночи, когда в доме воцарилась тишина, а все грязное белье было постирано и доставлено своим хозяйкам.

Дженни молча сидела на полу, обнимая ноги Констанции, словно намеревалась помешать матери сбежать туда, куда отправился Вилли Трелони. Она положила голову матушке на колени и беззвучно плакала, орошая слезами складки ее юбки. Постепенно она впала в полузабытье, даже не замечая, как матушка медленно гладит ее по волосам.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Она готова? Можно продавать? — спросила Констанция.

Теперь в доме Трелони лодка стала излишней роскошью. Так считали все, за исключением разве что Дженни. Девушка решила ее починить, прежде чем продавать. На это у нее ушла не одна неделя. Когда лодку выбросило на берег, несколько

досок треснули, а некоторые швы надо было законопатить и просмолить. Это оказалось несложно для девушки, которая зимой часто держала в руках горшок с дегтем, пока ее отец конопатил лодку.

— Постарайся, чтобы тебя никто не увидел, — предупредила ее мать.

Девушке, которая выполняет мужскую работу, трудно будет найти мужа, особенно если ее и так считают слегка странноватой.

На починку ушло немало времени. Матери она говорила, что не спешит, ибо хочет выполнить все в лучшем виде, чтобы за лодку заплатили хорошую цену, однако в глубине души она понимала, что ей просто нужно больше времени, чтобы попрощаться с лодкой. Матушка, впрочем, и сама об этом догадывалась, судя по всему.

Когда она закончила ремонт, лодку продали. Вырученных денег хватило, чтобы отодвинуть на время наступающую на пятки бедность. Долли нашла место кухарки в большом доме, у семьи, разбогатевшей на олове. Однако даже с теми деньгами, которые она присылала домой, призрак бедности вновь маячил на горизонте.

Дженни не могла найти работу в окрестностях Пенморской бухты, она прекрасно это понимала. Она имела репутацию непредсказуемой девчонки, которая выражается не так, как следует воспитанной леди.

Матушка не ругала дочь за то, что та не оправдывает возлагаемых на нее ожиданий. Дженни не мешало бы принарядиться, однако Констанция утратила интерес к чему-либо, включая собственное выживание. Матушка продолжала брать грязное белье, но особенно не усердствовала, а посему часто возвращала его позже и не очень хорошо выстиранным. Вскорости она стирала уже только собственное белье и то, которое продолжали доверять ей люди, считавшие, что ее хандра — временное явление.

Дженни весьма в этом сомневалась. Часто, возвращаясь домой со скал на побережье, где она собирала «блюдца»¹, девушка находила очаг погасшим, а слегка дрожащую матушку — неподвижно сидящей в угасающих лучах дневного светила.

— Я пойду в Плимут, — однажды ночью заявила Дженни, метнув тем самым камень в тихий пруд взаимного молчания. — Быть может, там мне повезет с работой.

— Тебя там никто не знает, — произнесла Констанция, не сводя взгляда с того места на полу, на котором недолгое время лежал ее муж, отдыхая перед последним путешествием на кладбище.

— Думаю, так будет лучше, ма.

* * *

К полудню следующего дня Дженни оказалась так далеко от Пенмора, как еще никогда не бывала на суше, разве что на отцовской лодке. Она совсем не боялась, что ее ограбят разбойники, которые, как говаривали, часто промышляли в этих лесах. Любой, кто прятался в густом, заваленном сухостоем лесу без труда мог догадаться, что ничем не поживится у девчонки в похожей на лохмотья юбке когда-то синей расцветки, уже плохо согревающей ее в осенней прохладе.

Как бы там ни было, но заслышав топот лошадиных копыт, Дженни перешла на бег трусцой. Взгляд ее не отрывался от дороги, где лесные зверьки наделали норок, возможно, из желания поглазеть на путешествующих людей. Девушка не смотрела себе под ноги, поэтому не заметила, как носок ее башмака угодил в небольшую ямку. И Дженни растянулась на земле.

Лошадь остановилась рядом с ней. Животное выглядело вполне холеным, не из тех, что достойны носить на себе лорда, но, во всяком случае, гораздо лучше большинства лошадей,

¹ Имеется в виду съедобный морской моллюск.

которых Дженни доводилось видеть в своей жизни. Всадник, одетый в неброскую, но добротную теплую одежду, из тех, какую обычно предпочитают купцы, спешил и направился в ее сторону. Он не подал руки, не нагнулся, чтобы помочь ей встать. Он стоял и смотрел, упершись руками в бока, словно решал, как лучше поступить с чумазой девчонкой, которую провидение подбросило на его пути.

«Он оценивает меня, словно я камзол или свинья, — пронеслось в голову у Дженни. — Он решает, чего я стою, и мое мнение его совсем не волнует».

Девушка попыталась расслабиться, не поддаться искушению вскочить и броситься наутек. Послышался шелест палой листвы, хруст веток под подошвами и шорох раздвигаемого подлеска. Когда купец заметил, что она смотрит куда-то за его плечо, он обернулся. Незнакомый мужчина, выше и шире первого в плечах, одетый в одну лишь рубаху, несмотря на приближение зимы, стоял за спиной купца. Лицо его было затенено широкими полями черной шляпы. Не успела Дженни перевести дух, как мужчина схватил поводья лошади. Слегка склонив голову, незнакомец улыбнулся купцу.

— Мне бы не хотелось проломить кому-нибудь череп с утра, — произнес мужчина.

Дженни обратила внимание на обитую железом палицу на его поясе. Темные пятна засохшей крови свидетельствовали о том, что ее уже пускали в дело.

Его противник, однако, оказался не робкого десятка. Грязно выругавшись, купец плюнул на землю, только чудом не попав в Дженни. Выудив из кармана камзола недлинный складной нож, купец сделал шаг навстречу разбойнику.

Дженни весьма сомневалась, что ему удастся справиться с разбойником с помощью ножа, лезвием которого даже не разрежешь яблоко пополам, но ей совсем не понравилось, как купец разглядывал ее до появления разбойника. Она подалась вперед, схватила его за лодыжку и дернула на себя.

Купец оказался недостаточно проворен. Он не успел вытянуть вперед руки, когда падал, и приложился лицом о землю так, что в рот ему попала дорожная грязь.

Разбойник грациозно подступил к ним, проворно выхватив палицу из-за пояса. Спустя несколько секунд он встал, расставив ноги, над своей жертвой. Когда купец перевернулся, то палица очутилась в нескольких дюймах от его носа. Разбойник молчал. Говорить и не требовалось. Купец отпрянул, стараясь отползти подальше, чтобы иметь возможность вскочить на ноги и бежать.

— Камзол, — приказал разбойник.

Низкорослый купец, извиваясь, отползал от разбойника, но потом послушно выпростал свои руки из рукавов камзола. Под ним оказалась рубаха, вся в коричневых и желтоватых пятнах. Бросив камзол на землю, он приподнялся. Палица разбойника следовала за каждым его движением.

Разбойник нагнулся и поднял камзол с земли. Другую руку он продел сквозь кожаную петлю повода лошади.

— Спасибо, — произнес он.

Низкорослый купец развернулся и пустился наутек, направляясь в ту сторону, откуда прискакал.

Не обращая на Дженни внимания, разбойник вытащил из седельной сумки кошель, перебросил камзол через переднюю луку седла и сноровисто оседлал лошадь.

Дженни поднялась, намереваясь отойти с дороги в заросли кустов, однако разбойник, повернувшись в седле, бросил в нее что-то. Она успела уклониться, но мужчина рассмеялся и кивнул в сторону упавшей на дорогу серебряной монеты.

— Плата за твою помощь, — объяснил он.

Дженни нагнулась, не сводя с него глаз. Она не видела, где лежит монета, поэтому тщетно хлопала ладонью по земле.

Разбойник снисходительно рассмеялся.

— Я не причиню тебе вреда. У тебя ничего нет. Если у тебя и есть то, что может меня заинтересовать, оно хорошо скрыто

под твоей грязной одеждой. — Разбойник заставил лошадь сделать несколько шагов по дороге, но потом вдруг дернул на себя повод. — Хочешь больше?

Дженни не ответила. Она понятия не имела, чего он предлагает в обмен на деньги.

— Я щедро тебе заплачу, если ты и в следующий раз упадешь перед лошадей на дороге, — сказал разбойник. — Это намного проще, чем прыгать из кустов и пытаться схватить лошадь под уздцы. Стоит мне неловко ступить, и все пропало. Не хочу, чтобы такое случилось еще хоть раз.

Дженни с изумлением взирала на этого человека, который с такой непринужденностью говорил о грабеже, словно это было законным делом, словно он вслух обсуждал, какой урожай можно собрать с земель фермы.

Не дождавшись ответа, разбойник сказал:

— По вечерам я часто бываю в таверне «Плимсток». Думаю, ты ее не знаешь, но, когда доберешься до Плимута, спроси у местных. Я тебе щедро заплачу, не меньше, чем сейчас.

Повернув лошадь, разбойник прищипорил ее и пустился вскачь.

Дженни побежала по дороге в противоположную сторону, уже не опасаясь ни рытвин, ни корней. Она так крепко сжимала монету, что на ладони остался багровый след. Девушка направлялась обратно в Пенмор. Ей хотелось вернуться к знакомым с детства домам и людям, оказаться подальше от этого леса, в котором мог притаиться кто-то похуже того разбойника, с которым ее свела судьба. А еще ей хотелось принести в дом свой серебряный трофей. Сможет ли он вызвать улыбку на лице матушки?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дженни довелось повидать немало повешенных на Четырех Дорогах преступников, однако не страх перед виселицей помешал ей принять предложение разбойника. Лично ей каза-

лось, что он не может быть хуже тех бандитов, которые грабили их, прикрываясь именем короля, однако Дженни совсем не хотелось попасть к нему в рабство. Лучше их этот разбойник тоже быть не мог.

Вот если бы она могла действовать свободно, на свой страх и риск, платя по заслугам тем, кто наживается на огораживании земли¹ либо лихоимстве... Эта мысль показалась Дженни весьма соблазнительной. Страх, который внушала виселица, тускнел на фоне постоянного страха выйти в море и не вернуться.

Несмотря на нетерпение, охватившее ее, Дженни решила по возвращении домой не показывать матери монету. У Констанции могли возникнуть вопросы. К тому же Дженни и так страдала от сплетен, которые о ней распускали. Лучше она скажет матери, что нашла работу в таверне между Пенмором и Полкеррисом, довольно близко от дома, чтобы иметь возможность каждый день возвращаться домой. Ничего особенного, ведь у нее не было красивой одежды, в какой щеголяла Долли. Там она якобы будет мыть посуду, стирать и драить полы. Такая работа не вызовет недоуменных расспросов, когда она вернется домой. Учитывая, что Констанция сама прекрасно знает, каково это — мыть посуду, стирать грязное белье и драить полы, она не пожелает, чтобы Дженни ей что-то рассказывала.

Торопиться не стоило. Серебряную монету она разменяет, сделав покупки в соседних селах. Так у нее появятся мелкие деньги, которые ни у кого не вызовут подозрения. Дженни вслушивалась, не раздастся ли вдалеке лошадиный топот, и размышляла над тем, кого еще она может встретить на этой лесной дороге либо в кустах по ее сторонам. У нее возникло смутное опасение, что сейчас она сделала шаг по дорожке, которая в конечном счете может привести ее к смерти по приговору королевского суда.

¹ Насильственное изгнание арендаторов с земель, традиционно принадлежавших одной и той же семье. Приняло широкий характер в Англии во время бурного развития овцеводства.

Дженни не нравилось приближаться к лесу со стороны Пенмора. Крепкие стволы здесь не знали топоров, которые срубили деревья в других местах, расчищая место под поля и шахты. Четыре Дороги были мрачным местом. Здесь порой можно было увидеть трупы казненных.

Время от времени тот или иной житель Пенмора заканчивал свои дни на виселице за грабеж, браконьерство, контрабанду и другие проступки, перераспределяющие имущество богатых и именитых в пользу бесправных. Конечно, их не вешали в Пенморе. Обычно казнь проводили в Плимуте, Портсмуте либо Эксетере, однако это не означало, что жители рыбацкой деревни будут избавлены от зрелища королевского правосудия. Поэтому на заседаниях выездных судов время от времени распорядились оставить преступника гнить на виселице, стоящей на Четырех Дорогах. Пусть люди задумаются, куда приводят преступления.

Многие путники крестились либо совершали менее благочестивые поступки, проходя мимо раскачивающегося на ветру скелета. Дженни, борясь с собственным страхом, заставляла себя смотреть на висельников. Ей казалось, что так будет правильно, что отвести глаза — значит оскорбить душу покойника. Она воображала, как тени усопших слетают на землю и следуют за ней.

Однако висельники оказывались на Четырех Дорогах нечасто. Именно поэтому в последний день июня Дженни приняла отчаянное решение.

* * *

Дженни рискнула отправиться в Полкеррис, где купила сыр и хлеб. Она подумала, что следует отойти немного в сторону от дороги, туда, где можно будет поесть под сенью листвы в тишине и покое. Дженни была уверена, что лес не сочтет, будто теперь она душой и телом принадлежит ему и только ему. Она нашла плоский камень неподалеку от дороги, села на него

и принялась за еду. Дженни задержалась в лесу надолго, наслаждаясь одиночеством в мирке, который принадлежал только ей, чтобы там ни воображали эти лорды. Здесь сборщики акцизов ее не найдут.

Впрочем, в лесу она все же была не одинока. Шелест шагов, ступающих по лесной подстилке, выдавал чье-то присутствие. Иногда откуда-то издали доносилось нечто похожее на вздох, однако никто пока что ее не донимал, и Дженни казалось, что и не станет. Скорее всего, эти существа думают, что она — одна из них.

Дженни так напряженно вслушивалась в шаги, вроде бы раздающиеся в лесу, что едва не пропустила очередного путника.

Подкравшись к дереву, Дженни разглядела из-за его ствола тщедушного юношу, идущего по дороге. На нем был отлично сшитый камзол из толстой добротной шерсти, из нагрудного кармана торчал носовой платок. Девушка прекрасно знала, что такую одежду легко будет перепродать. При внешней неприметности камзол отличался отменным качеством. Никто с полной уверенностью не сможет узнать в нем свою одежду.

Юноша был молод и худ, однако все же превосходил ее в силе. К тому же ей нужны были деньги, а камзол — не кошелек.

Дженни обычно носила с собой небольшой нож, который лежал в кармашке, пришитом к поясу ее юбки. Лезвие было тупым до такой степени, что ничего не резало, его покрывали пятна ржавчины, однако она была уверена, что сможет весьма живописно размахивать им, куда более грозно, чем тот купец.

Вытащив нож, Дженни взглянула на ржавое лезвие, спрашивая себя, получится ли у нее угрожать им рябому юноше. Прежде чем она успела найти ответ на свой вопрос, она уже вышла на дорогу. Юноша уставился на нее, судя по всему, удивляясь тому обстоятельству, что девушка одного с ним возраста очутилась посреди леса. Дженни слегка опешила, не зная, что делать дальше. Она лишь стояла и смотрела ему прямо в глаза. Большинство девушек на такое не отваживаются,

по крайней мере, тех девушек, которыми могут гордиться их матушки.

Юноша нахмурился, но губы его растянулись в подобии улыбки. Скорее всего, он решил, что она предлагает ему себя. По крайней мере, никакой угрозы он в этой встрече не видел. Дженни широкими шагами преодолела разделявшие их несколько ярдов и быстро нацелила заржавленное острие под выступающий кадык юноши.

— Я возьму твой камзол, моя любовь, — произнесла она, стараясь подражать тембру голосов старших женщин определенного ремесла, которые зазывали таким образом вернувшихся после плаванья моряков и приезжих на ярмарках.

Слова при этом теряли свою интимность, превращаясь в нечто бессмысленное. Улыбка сползла с губ юноши. Она заметила, как пальцы его сжимаются в кулаки. Возможно, юноша был милым, однако секунды хватило, чтобы Дженни поняла: он сильнее ее, а нож у его горла туп до безобразия. Дженни ткнула лезвием так, чтобы юноше стало больно. Она надеялась, что он не заметит, насколько оно тупое.

— Я не хочу портить день, пролив твою кровь, — произнесла она. — Просто сними свой красивый камзол... медленно... и брось на землю. А потом уходи. В противном случае я позову своего брата.

Как ни странно, упоминание о брате, давно умершем, наполнило ее сердце горечью. Это даже хуже, чем грабить человека, угрожая ему ножом. Юноша не знал, что ее брат так и не научился ходить.

Взгляд его метался по стволам деревьев, выискивая, где прячется ее сообщник.

— Все в порядке, Натаниэль! — крикнула Дженни, заглушая в себе угрызения совести. — Этот, кажется, не дурак, так что без кистеня обойдемся.

Юноша подчинился, сбросил с плеч камзол и уронил его на землю.

— Спасибо, — улыбаясь, произнесла Дженни. — Ты откуда? Куда идешь?

— Домой в Полкеррис, — ответил юноша. — Там у меня есть братья, которых я приведу сюда.

В таком случае она продаст камзол в Менабилли.

— Лучше подумай об этом, — скользнув лезвием ножа вниз по горлу юноши, произнесла Дженни. — Убегай, а не то будешь иметь дело с Натаниэлем.

Юноша побежал.

Она своего добилась. Дженни так его напугала, что он еще долго будет бежать по лесу. Не исключено, что, добравшись до дома, он скажет, что его ограбил крепкий мужик. Она не станет прятаться среди деревьев, слабая и бедная. Больше она не будет чудачкой, над которой все потешаются. Она станет призрачной тенью, внушающей страх.

Дженни подняла камзол. «Хорошо сшит», — вновь подумала она. В карманах, к сожалению, ничего, кроме носового платка, не оказалось. Но для первого раза и этого довольно. Такой камзол на базаре недолго будет ждать покупателя. Дженни подумала, что можно будет снова отобрать камзол у того, кто его купит.

* * *

Иногда проходила неделя, иногда даже две, пока на дороге не появлялась жертва, соответствующая всем строгим критериям, которые выдвигала к ней Дженни. Она должна быть молодой, низкорослой, в общем, выглядеть незащищенной. А еще Дженни выискивала тех, кто, судя по внешнему виду, без особой печали сможет расстаться со своей верхней одеждой, шляпкой и кошельком. Ей совсем не хотелось толкать бедную девушку или голодного мальчишку к краю могилы.

Наконец появлялась потенциальная жертва. Обычно то были совсем молоденькие юноши, с еще не развитыми мускулами. Женщины попадались ей нечасто. Только крайняя нужда могла заставить женщину пуститься в одиночку в такой путь.

Всегда существовал риск столкнуться с кем-то вроде Дженни. Но в целом путники теперь встречались чаще. Зима сменялась весной, дни стали дольше, и это приободряло людей настолько, что они рисковали отправиться в путь по лесной дороге.

Дженни криво усмехнулась, вспоминая мертвого брата. Она уж позаботится, чтобы Констанция ела не одни только «блюдца».

Однако наступил день, когда она ощутила тяжелую руку у себя на плече.

— Как нехорошо, — проскрипел чей-то голос. — Я пригласил тебя в дверь, а ты предпочла тайком проникнуть с черного хода.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На разбойнике был камзол, который он отобрал у купца в тот день. На сей раз голову его не прикрывала черная широкополая шляпа, прежде затенявшая ему лицо. Редкие, тронутые седой темные волосы были спутаны. Он улыбнулся, и смрад гнилых зубов ударил ей в нос.

— И что мне теперь делать? Такое оскорбление в ответ на мое щедрое предложение... А мне-то казалось, что я имею дело с честной девушкой, которая предпочтет умереть от голода, чем хорошо питаться плодами бесчестных поступков. Я пожелал тебе удачи, ибо уважаю таких людей, однако это... нехорошо... очень нехорошо.

В голове у Дженни пронеслась тревожная мысль: «Он весь ценит вежливость и учтивость. Он ждет от меня извинений».

— Извините, — произнесла она. — Я не собиралась этим заниматься. Просто мне случайно попался на пути мальчишка, который умолял меня сделать с ним это. Когда я подумала о еде, которую могла бы принести матушке, я не сумела остановиться. Я не хотела вас обидеть.

Мужчина рассмеялся.

— Ты не хотела и продолжаешь, чтобы накормить свою мать. Тюрмы забиты теми, кто говорит на суде подобное. А потом их языки вываливаются изо рта, пока покойники качаются на виселицах, стоящих на перепутьях дорог. Закон не смягчить подобными заверениями, меня тоже. Ты должна все исправить.

— Как?

— Ты продолжишь делать то же, что и сейчас, выбирать тех, кто послабее, и грабить. И приносить мне свою добычу. Я подскажу, где выгоднее ее продавать. Ты будешь приносить мне все, что сможешь добыть, скажем... раз в полгода. Покупай еду, а оставшееся мы поделим пополам.

— Извините, я не должна была... Я понимаю. Я больше не буду. Я перестану грабить, оставлю всех прохожих вам. Я найду другую работу. Больше вы меня не увидите.

— Так не годится, — посерьезнев, произнес разбойник тоном разочарованного в прихожанке священника. — Ты уже ступила на эту дорогу и теперь не сможешь с нее сойти. Если ты попытаешься слинять... если между грабежами пройдет больше недели, я сам приду в дом Трелони и поговорю с твоей матерью. Ты не единственная разбойница в этом лесу, Дженни. Кое-кто из Пенмора узнал чудаковатую девчонку.

— Вы не лучше сборщика акцизов, — произнесла девушка, сама пугаясь своей смелости.

Не следует задирать такого, как он, это может стать фатальной ошибкой... Но разбойник лишь расхохотался.

— Нет, лучше. Я буду брать лишь часть твоей добычи. Я не обкладываю пекаря налогами так, что ему приходится повышать цены. Это лучшее из всего, на что ты можешь надеяться, Дженни... А в противном случае... Ну, сама понимаешь... Я знаю, где ты спрячешь вещи.

— А вы где спрятали свое имя? — спросила девушка. — Как мне вас найти? Не могу же я, придя в «Плимсток», спрашивать, как найти мистера Разбойника.

— Нет. Я бы так делать не стал, ведь это неудобно. Многие в «Плимстоке» занимаются тем же, что и я. Давно уже я не пользуюсь именем, которое мне дали при крещении. Ты можешь называть меня мистером Блэком, но лучше не упоминать это имя при посторонних. Когда ты придешь в «Плимсток» со своей добычей, то легко меня найдешь или я найду тебя. Пожалуйста, не медли. Через семь дней, самое позднее, ты должна появиться в «Плимстоке».

* * *

У Дженни теперь оставалось ровно столько, чтобы хватило на создание иллюзии, будто бы ей что-то платят в трактире. Дни становились все длиннее, и она сообщила матери, что теперь будет ночевать там, где работает. Обойдется ли без нее Констанция? Мать кивнула. Теперь она не нуждалась в обществе других людей и редко разговаривала.

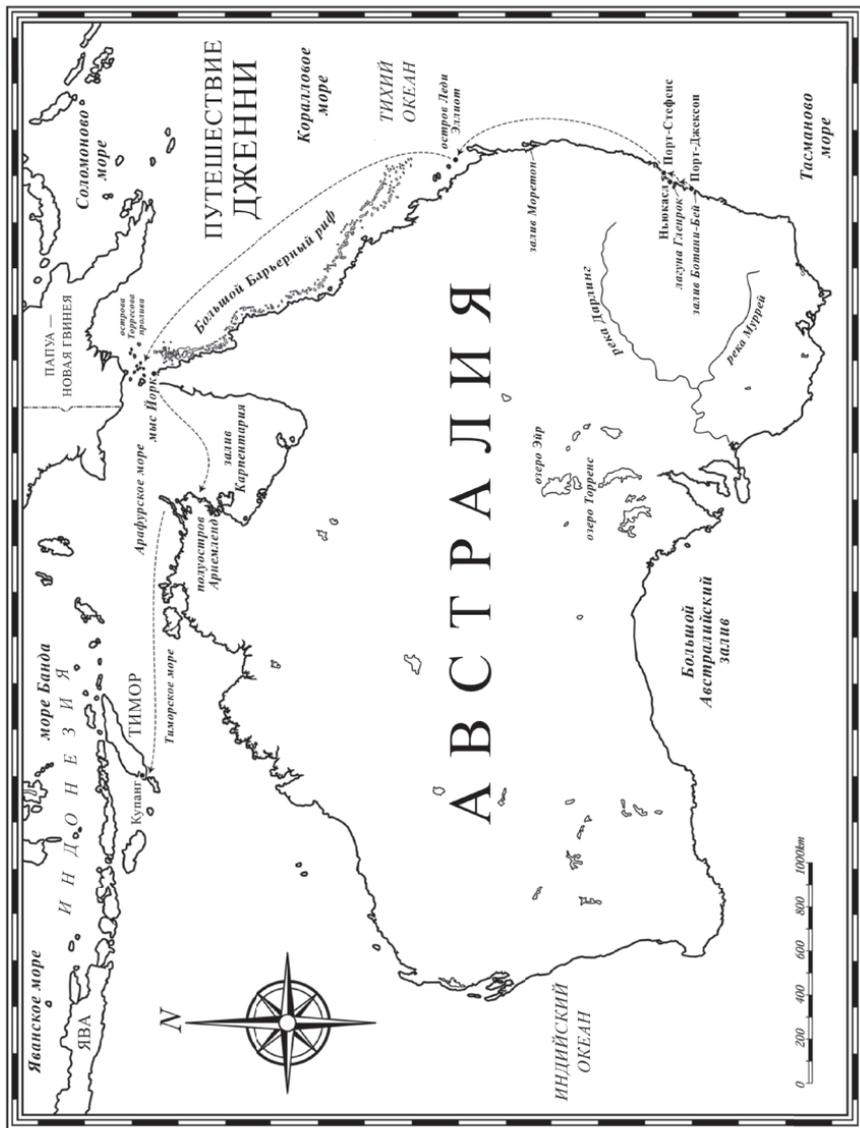
Когда к ним приходила в гости Долли, матушка немного оживлялась. Констанции, судя по ее поведению, приятно было слушать о том, чем занималась ее старшая дочь, как выглядит дом, в котором она состояла в услужении, каковы его хозяйева, как одеваются женщины, там живущие либо приезжающие в гости. Их наряды стоили таких денег, каких Констанция за всю жизнь не видела.

После этого Долли и Дженни спускались к воде и вволю плакали друг у друга на плече. Долли старалась плакать тихо, не издавая ни звука, а вот Дженни громко рыдала и шмыгала носом.

— Нельзя, чтобы посторонние видели тебя такой, — говорила ей Долли. — Это плохо скажется на твоей репутации.

— Мама была бы только рада, — отвечала ей Дженни, — лишь бы доказать, что я не мальчишка.

— Она до сих пор... ну... с нами? — поинтересовалась Долли. — Каждый раз, когда я прихожу, она становится все слабее, если только я не застаю матушку в особенно мрачном настроении...

Літературно-художнє видання

КЕНИЛЛІ Мер

Втеча

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *О. В. Приходченко*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 19.09.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Adonis». Ум. друк. арк. 21. Наклад 4500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

КЕНИЛЛИ Мэг

Побег

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Приходченко*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 19.09.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Adonis». Усл. печ. л. 21. Тираж 4500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Кінець XVIII століття. Скільки горя здатні витримати тендітні жіночі плечі? Дженні знала злидні, розбійницьку стежку, її ледве не повісили, але замінили смертну кару на каторгу в колонізованій англійцями Австралії. Там, далеко від дому, вона створила сім'ю і народила дітей. Так, це місце не схоже на в'язницю, хоча і свободи тут теж не було. Безплідні землі, жорстокість губернатора і важка праця... Але ж кожен має право на щастя. І Дженні звужується на втечу. Її разом з кількома іншими каторжанами чекає далекий шлях, будь-який неправильний крок може коштувати життя. Однак заради щастя сім'ї Дженні ладна на все. Чи зможе вона здобути шанс на майбутнє, за яке варто боротися?..

Кенилли М.

К35 Побег / Мэг Кенилли ; пер. с англ. О. Буйвола.— Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 400 с.

ISBN 978-617-12-6869-2

ISBN 978-1-76068-027-5 (англ.)

Конец XVIII века. Сколько горя способны выдержать хрупкие женские плечи? Дженни знала лишения, разбойничью стезю, ее чуть было не повесили, но заменили смертную казнь каторгой в колонизированной англичанами Австралии. Там, вдали от дома, она обзавелась семьей и родила детей. Да, это место не похоже на тюрьму, хотя и свободы тут тоже не было. Бесплодные земли, жестокость губернатора и тяжелый труд... А ведь каждый имеет право на счастье. И Дженни решается на побег. Ее вместе с несколькими другими каторжанами ждет далекий путь, любой неверный шаг может стоить жизни. Однако ради счастья семьи Дженни готова на все. Сможет ли она получить шанс на будущее, за которое стоит бороться?..

УДК 821(94)